

Василий Шукшин: «Нам бы про душу не забыть»

*фактор
(присл. к ж-лу
Газовая промышленность) — 1999
№ 8. — с. 42-49*

Василий Макарович Шукшин — один из самых любимых народом писателей и кинематографистов. 25 июля нынешнего года ему исполнилось бы 70 лет. К этой дате земляки Шукшина собрали воспоминания, письма родных, близких, друзей писателя, а также читателей, зрителей, почитателей его таланта. Московское издательство «Воскресенье» взялось выпустить их отдельной книгой, которая на днях уже выходит в свет.

С любезного разрешения издателей, редакторов и составителей книги мы перепечатаем ранее никогда не публиковавшиеся воспоминания сестры Шукшина — Натальи Макаровны Зиновьевой. По образованию и профессии она педагог. Живет и работает в Бийске.

Воспоминания о брате мне надо было написать давно, а не двадцать с лишним лет спустя после его смерти. Но не давала прикоснуться к бумаге душевная боль, память о Васе была настолько жива, что и не представлялось говорить о нем в прошедшем времени. Трудно вынести эту боль, которую не лечит время. Но писать надо. Да простит меня читатель за то, что в своих воспоминаниях о брате мне придется говорить и о себе.

Родился Вася 25 июля 1929 года в селе Сростки тогдашнего Старо-Бардинского района. Ныне это село входит в Бийский район. Мать наша — Мария Сергеевна — с 1909 года, а отец — Макар Леонтьевич — с 1912 года. Оба уроженцы Сросток, крестьяне.

26 марта 1933 года отец в возрасте 21 года был арестован Бийским ОГПУ как, якобы, участник контрреволюционной повстанческой организации и приговорен Особой тройкой по Западносибирскому краю 21 апреля 1933 года к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор приведен в исполнение 28 апреля 1933 года в Барнауле. В 1956 году дело в отношении нашего отца было прекращено, он реабилитирован посмертно.

После того, как «забрали» отца, мама все время ждала прихода тех же людей и с той же целью. Да и в селе — то к таким семьям не было ни почета, ни уважения. Жен арестованных называли сибулонками. Я до сих пор не знаю, какой смысл у слова «сибулонка», но, видимо, есть какая-то связь с сибирским лагерем.

Мне запомнилась наша избушка, в которой мы жили, и почему-то старый мешок, куда были уложены нехитрые пожитки. Сверху в этом мешке всегда лежала чугуночка. В этой чугуночке мама варила кашу или затируху (вкрутую замешанное и растертое в крошки тесто), обычно варили ее на молоке. Помню, сварит мама затируху, выложит в чашку, а чугуночку вымоет и снова уложит в мешок, который всегда стоял в сенцах у двери. Жили в страхе и всегда были готовы к ночному стуку и слову «собирайтесь».

Незадолго до войны мама второй раз вышла замуж за холостяка Кукулина Павла Николаевича. Это был большой доброты человек. Кстати, Вася эту доброту оценил уже в зрелые годы. А вначале мальчишеская ревность к матери не давала ему покоя, и он выкидывал одну проделку за другой. Вася был ершист и никак не мог смириться с тем, что у нас появился чужой человек. Но отчим, к счастью, не отгородился глухой стеной от нас и находил в себе силу и умение налаживать отношения с пасынком. Павел Николаевич работал заготовителем кож, ездил по селам на лошади и, возвращаясь, всегда привозил нам сладости.

Шел 1940 год. Как-то мама узнала, что в Бийске есть годичные курсы кройки и шитья, и ей очень захотелось научиться шить. Решили родители переехать в город. Мне было все равно, а вот Вася заупрямился, об-

* Журнальный вариант

Н.М. Зиновьева (Шукшина) — сестра Василия Макаровича (слева).

винив в этой затее отчима. Но все—таки мы уложили в телегу немудрый багаж, за телегу привязали корову и приехали в Бийск. Поселились там, в арендованном на год домике, по Смоленскому переулку, 15.

Я пошла учиться во второй класс, Вася — в четвертый, мама — на курсы кройки и шитья, а отчим устроился на кожевенный завод. Место, где мы жили, было очень хорошее. Рядом шумел сосновый бор, куда мы ходили за шишками, ягодами, грибами. С городскими мальчишками Вася сходилась нелегко, но игра в ножичек, в чижа увлекала его, даже и меня он научил играть в эти игры.

В первых числах июля 1941 года отчим ушел на фронт. Погиб он в 1942 году. Нам ничего не оставалось, как вернуться обратно в Сростки. И начались для нас тяжелые вре-

маленькое ведерко (котелок) уже замерзшей картошки, но мы все равно ее терли и ели.

Из домашних животных у нас был кот Васька, кобель Борзя, до жути шалавый пес. Мама, нахваливши его, продала за пять рублей в соседнее село пасечнику. Нам потом стыдно было с ним встречаться. А вот Васька, любил зимой залезать в печку. Однажды мама затопила ее, а Васька оказался там. Мама быстро залила огонь, выгатила его из печки. Внешне он был невредим, если не считать подпаленных усов. Но вскоре мы стали замечать неуверенные его движения, при ходьбе он натякался на предметы, и поняли, что Васька сжег глаза и ослеп. Но мы любили его, и он слепой прожил у нас еще четыре года.

Была у нас и телочка (в колхозе маме дали как премию). Мы ее вырастили, и корова

ручками—палочками, выломанными из травяного веника. В мою обязанность входило готовить чернила из сажи, которую я наскребала из печного чувала и разводила горячей водой, а потом долго—долго мешала. Разводили и марганцовку, но она была дефицитом.

Зимы тогда были холодные, снежные. Бураны сменялись морозами, да такими лютыми — ничто не спасало: ни одеяла на окнах, ни тряпье на пороге у двери. Единственной нашей спасительницей была русская печка, которую надо было чем—то топить.

Большинство семей нашего села ходили за березняком на Талицкий остров (это по замерзшей Катунки километра три) поздно вечером. Рубить березняк было строго запрещено, — его охранял лесник. И не дай бог, попадется кто ему! Хлестанет бичом, а уж топор—то отберет обязательно. Маме с Васей как—то удавалось не попадаться леснику. Срубят по березке, взвалят комель на плечо, а хлыст по снегу волокут. Принесут домой, распилят каждую на три части и даже третью часть поднять не могут — так устанут. А, может быть, поэтому, позже, в зрелые годы, Вася любовью к березке—невестушке искупал вину свою.

Помню такой случай. Летнее время, суббота. Мама истопила баню, а свежего веника нет. Поднялись на гору, чтобы наломать веток для веника, подошли с мамой к березке, ее надо было пригнуть, кликнули Васю, а его нет. Вернулись, а он сидит на пригорке, как в последнем кадре «Печек—лавочек», курит и говорит: «Я не могу ломать березу, пойдете домой, у нас в ограде растет черемуха, с нее и наломаем веток». Мама даже обиделась — шли в такую даль, поднимались на гору, и — на тебе...

В военные суровые годы, особенно в летнее время, мужская работа легла на плечи женщин и подростков. С 11 — 13—летних спрос был таким же, как и со взрослых. Но маме было нелегко упросить бригадира, чтобы Васю (12—летнего подростка) взяли в колхоз на какие—нибудь работы.

Он любил коней и хотел, чтобы его взяли водовозом, как говорили «на табачок». Бригадир не соглашался. Мал еще, говорит, ему и ведра воды не поднять. Вот как об этом случае вспоминала мама: «Я думала, он будет при мне, и я буду спокойна. Поэтому и попросила бригадира, обещая ему, что Вася по полведра будет черпать. Бригадир согласился. Вася — радешенек. Начался покос — я опять к бригадиру, он немного нам сродни. «Ермолай, — говорю, — возьми Васю копны возить». Ты что, отвечает, какой он копновоз, у него ноги коротки. А кто ему будет лошадь запрягать? «Научу запрягать и распрягать, только возьми». Он видит, что у меня уже глаза заблестели от слез. Ладно, говорит, пусть приходит».

Зимой Вася в школу ходил с холщовой сумкой, в которой вместе с учебниками бы-

Мария Сергеевна — мать Василия Макаровича.

мена. Голод и холод не покидали наш дом. Огород был маленький. Все было засажено картошкой, кукурузой и овощами. Ели жмых, сою, терли картошку и пекли оладьи—ландрики (тертая картошка с добавлением муки). Но у нас и муки—то не было. Мама шила, вышивала, ткала людям и себе, словом, что—то зарабатывала на картошку, муку, крупу. Меняли, что можно было еще поменять. Помню, последнее, что оставалось, — это нитки—мулине. Вася пошел с ними в Образцовку (6 километров от Сросток) и на саночках привез

Райка стала единственной нашей кормилицей.

В школе зимой мы занимались в стареньких фуфайчонках. Валенки у Васи были подшиты, но эта подшивка часто отлетала, и он перетягивал ее веревочкой. Я ходила в домотканом платье (мамой выпканном и ею шитом). Такое платье, если постираешь, выполоскаешь, можно ставить (не вешая) сушить — стоит, как на манекене.

Писали мы на старых, пожелтевших от времени, книгах (это были книги отчима)

ли бабки. Играли мальчишки после школы на льду замерзшей Катунь. Бывало, забежит домой, где-то за час до прихода мамы с работы, вытряхнет сумку, учебники — в одну сторону, бабки — в другую и, довольный, считает, сколько бабок выиграл.

Вася с детства был жалостливым. Случалось, разобью я тарелку (а они все были на счету), приходит мама и спрашивает: «Где тарелка?» Не успеваю рта раскрыть, как он опережает меня: «Я ее разбил нечаянно». Он знал, что мне за это попадет, а ему нет, потому что в доме он был мужичок, помощник. Боже, как я ему была благодарна!

А как он, еще подросток, переживал по-взрослому за корову Райку! Стояли лютые морозы, а кормить ее нечем. Мама купила воз сена и говорит, что сено плохое, одни дудки. Вася начал в руках мять это сено-дудки и с рук давать его корове. Но мама убедила сына, что Райка сама разжует. А когда мы ждали теленочка, Вася готов был с Райкой ночевать, гладил ее, жалел...

Книги к нему пришли как-то сразу, они не были его увлечением с детских лет, и он резко сменил бабки на книги. Читал все подряд без разбору, а мама боялась, что он зачитается и «сойдет с ума». Все его школьные учебники были без корочек. Когда мы были дома, он в эти корочки от учебников вкладывал художественную книжку, ставил ее на стол и читал. Мы видели, что у него, например, «География», а через некоторое время он ставил перед собой «Историю». Но однажды я заметила, что у него на корочке «Арифметика», а он ничего не пишет. Заглянула — и, конечно же, художественная книга. На этот раз я сказала маме, потому что боялась, как бы он не «свихнулся».

Брал Вася книги из библиотеки и тайком из школьного шкафа, который стоял в коридоре. Читал днем и ночью. Даже умудрялся читать при лунном свете или с жировухой. Наливая во флакончик жира, протягивал веревочку (фитилек) через картофельный пластик, укрывался одеялом с головой и читал. А однажды заснул с этим горящим фитильком и чудом не задохнулся. Но одеяло все-таки прожег.

По соседству с нами жила учительница географии Анна Павловна Тиссаревская, эвакуированная из Ленинграда. Мама однажды поделилась с ней о запойном чтении сына и ее боязни за его здоровье. Учительница пришла к нам домой, поговорила с Васей, написала список книг и посоветовала, как читать, чтобы было не во вред школьным урокам и оставалось время для тех же игр. Или он был таким послушным, или помогло ее искреннее желание помочь Васе, но он изменился и читал уже спокойнее, не прячась, и потом мама даже сама покупала ему книжки.

Цепка память на добрых людей и на добрую, бескорыстную помощь. Он вспоминает: «Так у меня случилось, что лет с двенадцати мне стали помогать выбирать, что читать. Сперва это была ленинградская учительница, которая в войну оказалась в нашей деревне, преподавала в школе. У меня обнаружилась какая-то ненормальная страсть к чте-

В. Шукшин (крайний слева) среди сrostинских ребят.

нию, а учился я плохо, мать этого не могла понять. Пошла к учительнице. Та пришла, расспросила, что я читаю, и составила список книг, какие надо читать. Сказала, когда это прочтешь, я еще составлю. Еще помню библиотеку в Севастополе... служил матросом и ходил в офицерскую библиотеку. И там пожилая библиотекарша опять чуть не со списком. Наконец, список же был составлен и Михаилом Ильичом Роммом, к которому я пришел учиться во ВГИК. Это был последний список. Почти все книги из этих списков я помню, многие повторялись... я бы теперь и сам составил кому-нибудь список — так я в них уверовал, так им благодарен, и книгам, и людям».

В зимнее время мы залезали втроем на любимую русскую печку, ставили рядышком лампу. Вася ложился с краю, мама в середине, а я у стенки, и он читал нам. Злился, переживал, когда мы с мамой начинали засыпать, заставлял нас пересказывать прочитанное или сказать, на чем остановился. Но так как ни та, ни другая ничего не могли ему ответить — плакал.

С наступлением весны и лета наша жизнь заметно менялась. Дров не надо, какой-никакой есть огород, островная, полевая ягода, а иногда Вася с рыбалки приплывал с рыбой. В общем, было легче жить.

Раньше Катунь в наших местах была быстрая, широкая, разгульная. Весной ее как будто распирало, и она с шумом, с треском, уставшая от ледяного покрова, грудью выходила наружу, ломая метровой толщины лед. И какая же слища была у реки, когда она выбрасывала на берег огромные льдины, превращая их в нагромождение искрящихся на солнце глыб. Это было прекрасное зрелище! В селе уважительно говорили: «Катунь пошла».

Богата Катунь островами, на которых росли ягоды, грибы, пахучее разнотравье. Острова у нас в селе называли немудрено, смотря чем богат остров: Смородиновый, Живильный (Ежевичный), Боярышный, Облепиховый.

У кого была лодка, тем крепко завидовали: у них были ягоды, из которых варили варенье, и грибы, и рыба. Вася очень любил эти острова и особенно увлекался рыбалкой. Часто мальчишки плавали на лодке с Иваном Мазаевым. Сам он — инвалид, но пацанов около него было всегда много. Васю он брал часто с собой. Нередко уплывали с ночевкой. По-моему, у него всегда был праздник, когда он собирался за день до отплытия. Однажды он рассказал мне, как они готовят уху, как он ходит в глубину с неводом, как ложатся спать и как сладко спится под говорок реки.

Мама всегда была против рыбалки, она боялась этой своенравной реки, и мы с ней

поздно вечером отправлялись на берег. Она кричала: «Вася—а—а», и мне казалось, что этот зов был слышен на Талицкой стороне. Иногда он откликался свистом (кстати сказать, он хорошо свистел, мог любую мелодию передать свистом). Но иногда и слышит, а откликнуться не может — рыбу боится спугнуть. Для нас было большой радостью, когда мы слышали скрип уключин и всплески весел. Значит, плывут...

Окончив 7 классов, Вася и еще три его сверстника поехали учиться в Бийский автомобильный техникум. Мама в то время работала техничкой (уборщицей) и истопником в райисполкоме. Чтобы вовремя разжечь сырые дрова и натопить к утру помещение, мы уходили из дома в полночь. В кабинете председателя мама зажигала керосиновую лампу «молния», предварительно задернув черные, плотные шторы на окнах. Я садилась за стол, открывала художественную книгу или бралась за невыученный урок. От ярко горящей лампы мне становилось тепло, и я засыпала за этим столом.

Весной мама выучилась на парикмахера, и нам стало как-то полегче жить. И ночи дома, и на булку хлеба имела возможность что-то заработать, кроме зарплат, и Васе помочь.

Приезжая домой на каникулы или выходные дни, Вася не часто, но ходил на вечерки. Вечерки — это целое событие. Молодежь откупала у какой-нибудь старушки избу на вечер, снабжала ее продуктами, керосином (электричества не было), дровами, чтобы истопить печь вечером.

Вот как он описывает сам эти вечерки: «В войну нам было по двенадцать — шестнадцать лет. Никакого клуба у нас не было. А многие уже работали. Как ни трудна жизнь, а через 16 лет не переступишь. Собирались на вечеринки. С девушками. Была балалайка, реже гармонь. Играли в фантики, крутили шестерку... Целовались. И у каждого (кто повзрослей) была среди всех, которая нравилась. Когда случалось поцеловаться с ней при всех — обжигало огнем сердце и готов был провалиться сквозь землю. Но — надо! И этого хватало потом на целую неделю. И ждешь субботу — не приведет ли случай опять поцеловаться с желанной. Неохота говорить тут о чистоте отношений — она была, она всегда есть в шестнадцать лет. Было весело — вот что хочется сказать. А кто организовывал? Никто. Лежала на печке бабка и иногда советовала «палачу» с ремнем: «А ты огрей ее хорошенько, огрей по толстой-то! Ишь, какая!» И еще подсказывала: «А ишо вот так раньше играли: садитесь все рядком...» И работалось, и ждалось».

За это короткое время, что он бывал дома, он успевал и влюбиться, и с соперником отношения выяснить, и дома с друзьями устроить концерт с гармошкой: и пели, и плясали, и со стульями танцевали. Пели частушки под подгорную:

Неужели конь воронный
Перекусит удила?
Неужели моя шарочка
С товарищем ушла?

Ты сорока-белобока
Научи меня летать,
Недалеко, невысоко,
Прямо к милке на кровать...

А гармошка в нашем доме появилась так: однажды, совсем всерьез, мамин брат — Попов Павел Сергеевич (наш крестный) решил выучить Васю (тринадцатилетнего мальчишку) на бухгалтера, это было вначале лета. Я, говорит, посмотрю, будет толк — оставлю у себя, пусть заканчивает семилетку, а потом отправлю на курсы, стажироваться будет у меня. Уговорил маму, хотя нам его было жалко отправлять в такую даль. Крестный жил в Онгу—дае, это где-то 300 км от Сросток. Образование у него было 4 класса, но работал главным бухгалтером маслосырозавода. Он был знаток в бухгалтерии и решил выучить этому искусству племянника. Ну и думал облегчить нашу жизнь. Но бухгалтерия Васе на ум не шла. Это же надо подумать, говорил он, весь день сидеть на одном месте и гонять косячки на счетах туда-сюда, да еще в летнее время.

Нравилось ему считать на арифмометре (счетное устройство), но его учили считать на счетах. А дома крестный учил его играть на гармошке—двухрядке. За месяц учебы крестный понял, что из него не только бухгалтера, а простого счетовода не получится, и он решил отправить его в Сростки со знакомым шофером. Как мы были рады его приезду, мы все втроем плакали, а мама приговаривала: «Я уж сто раз покаялась, что тебя отпустила. Ну-у, пуля (так в шутку сестры называли брата за быстроту в движениях) съгреб мальчонку и повез, и я, дура, уши-то поразвесила — согласилась. Да лучше на шофера выучиться, правда ведь, сынок?!» Сынок поддакивал, кивал головой и после плаксивой церемонии он из мешка достал гармошку. Мама ахнула. «Тебе, что ли?» — спрашивает. «Ну да» — отвечает он. И начал играть и вальс, и под пляску, и подгорную — словом, дефицитную деревенскую музыку он освоил хорошо.

Среди всех развлечений он находил время читать и что-то писать, но читать написанное никому не давал. А однажды он попросил меня отправить пакет в журнал «Затейник». На обратном адресе была написана фамилия — «Шукшин». В последующий приезд я его спросила, почему он написал эту

фамилию, а не «Попов». Он ответил, что его, как Попова знают все, а вот о «Шукшине» могут только догадаться. Дело в том, что мы с Васей носили мамину девичью фамилию (Попова), потому что отец был репрессирован, и мама боялась оставлять нас на фамилии отца. И только при получении паспортов мы стали Шукшины.

Но из Москвы он ответа так и не получил. И вот почему. У нас в селе был Шукшин Василий Максимович, он работал в колхозе и однажды поделился с работником райкома партии, что получает письма из Москвы: «Вроде как мне, говорит он, — (Шукшину Вас. Мак.), а распечатываю — не мне, но бумага хорошая, папиросная». На вопрос: «Что ты делал с этими письмами?» — отвечал: «Курил». А вот как рассказывала об этом мама: «Вызывают меня седня в райком и спрашивают, как мы живем. Ну, думаю, кто-нибудь увидел, что я несла полешко дров на разжижку за пазухой домой и донес, или за бритве с одеколоном в ведомость не записала. Потом спрашивают, а где у тебя сын? (В это время Вася уже уехал из дома.) А у меня язык отнялся, на глазах слезы, что-то случилось, думаю, сообщили. Но они меня успокоили, мол, ничего особенного не произошло, письма ему шли из Москвы, а получал другой, и все рассказали».

Еще на втором курсе техникума у Васи не сложились отношения с учительницей английского языка, и на третьем он решил оставить его. Мама переживала, а он ей говорил: «Я все равно по этой специальности работать не буду, если даже закончу техникум». И сказал нам, что поедет в Москву, потому что посылал рассказы в журнал «Затейник» и ему написали, чтобы он приехал в редакцию. Это был обман. Мне тоже было жалко с ним расставаться, мы втроем плакали, а он, шмыгая носом, нас уговаривал. Вроде, уговорил, но денег нет, да он и не рассчитывал на большие деньги. Мама решила продать корову, но Вася не соглашался. Она начала его уговаривать, мол, купим теленочка и вырастим его, а Райка все равно мало молока дает.

Продали все—таки Райку. Мама уложила в деревянный чемоданчик все необходимое

На Черном море.

для Васи, он сверху положил книги, тетради, и мы проводили его в никуда. Мама сильно переживала за Васю, а он уехал, и два месяца от него не было ни одного письма. Извелась мама, ложилась спать со вздохами, а то и со слезами и вставала с надеждой на весточку от него.

Примерно через месяц получаем от Васи письмо. Какая это была радость! В письме просит ответа не писать, потому что он должен получить другое общежитие. А на конверте четко значилось: «Калуга».

Подробно о тех нелегких годах Вася рассказывал в общих чертах, да и то после армии. Он говорил, что работал в Калуге на турбинном заводе, во Владимире на тракторном заводе, был разнорабочим, грузчиком, учеником маляра, работал на строительстве электростанции в Щербинке Московской области. В своих биографических заметках он пишет, как счастье дважды обходило его стороной: «Выйти в люди все никак не удавалось. Дважды чуть не улыбнулось счастье. В 1948 году Владимирским горвоенкоматом я, как парень сообразительный и абсолютно здоровый, был направлен учиться в авиационное училище в Тамбовскую область. Все мои документы, а их было много разных справок, повез сам и потерял в дороге. В училище явиться не посмел и во Владимир тоже не вернулся — там в военкомате были добрые люди, а мне было огорчить их, что я такая «шиша». И еще раз из-под Москвы посылали меня в военное автомобильное училище, в Рязань. Тут провалился на экзаменах. По математике. В 1949 году был призван служить во флот. В учебном отряде был в городе Ломоносове Ленинградской области, служил на Черном море, в Севастополе. Воинское звание — старший матрос, специальность — радист».

В 1953 году Вася был демобилизован по состоянию здоровья», — обнаружилась язва желудка. Лечить его взялась сама мама. Она делала лечебный состав по рецепту верх-талицкого фельдшера. Своим лечением она действительно подняла его, и он крепко задумался реализовать свою мечту, которую вынашивал, будучи еще в Морфлоте. Мама рассказывала, что однажды Вася зашел к ней в парикмахерскую довольный, веселый, прямо неузнаваемый. «А у меня в кресле клиент, — говорила она, — я чувствую, что Вася хочет что-то сказать, а не может при постороннем человеке. Мы вышли с ним на улицу, и он сказал, что разговаривал с директором школы, а тот поддержал его намерение закончить 10-й класс экстерном.

И надо отдать должное, поблагодарить и низко поклониться директору Сростинской школы Жабину Н.Н., учителям Беляковой З.В., Ковязиной З.И., Гекман А.И., Чернышовой М.Е. и другим, у которых он консультировался, и которые поддержали

В. Шукшин — матрос Черноморского военно-морского флота. Севастополь, 1950 г.

и помогли Васе сдать все экзамены. «...Такого напряжения сил я больше никогда не испытывал, — писал он.

В своих воспоминаниях о маленьком подвиге — получил аттестат, — Вася пишет, что не сдал по математике и пересдавал осенью. Он здесь слухавил, он сдал все экзамены весной, но говорить о нашей нищете ему не хотелось, и он решил поработать год, заработать денег и только тогда поехать учиться дальше. Ему предложили должность директора вечерней школы и одновременно вести уроки русского языка, литературы и истории.

Я, будучи дома на каникулах, видела, как Вася приходил из школы с настроением, с горящими глазами, с улыбкой и даже с каким-то пижонством. Но однажды он пришел помрачневшим, в глазах ни искорки. На мой вопрос — что случилось? — он ответил: «Понимаешь, я рассказывал о полковнике Суворове, я даже готовился в библиотеке к уроку, а на последней парте мужик заснул, да так крепко, что всхрапывал. Всем было смешно, а мне обидно — значит, не интересно». Привет, говорю, этот мужик день-то наломался на морозе на скотном дворе, пришел домой, поужинал, добрался до последней парты, а рядом печка, ему ли до твоего Суворова.

Вот как он описывает свою работу в школе. «Одно время я был учителем сельской школы для взрослых. Учитель я был, честно говоря, неважнецкий (без специального образования, без опыта), но не могу и теперь забыть, как хорошо, благодарно смотрели на меня наработавшиеся за день парни и девушки, когда мне удавалось рассказать им что-нибудь важное, интересное и интересно. (Я преподавал русский язык и литературу). Я любил их в такие минуты. И в глубине души не без гордости и счастья верил: вот теперь, в эти минуты, я делаю настоящее хорошее дело. Жалко, мало у нас в жизни таких минут. Из них составляется счастье».

Я-то пророчила ему педагогический институт. И это осталось только моим желанием, а ему виделась Москва. В 1954 году в июле — короткие сборы и Вася поехал в Москву поступать в заочный историко-архивный институт. В Москве он случайно встретился с незнакомым ему тогда, тоже сибиряком, ки-

норежиссером Иваном Пырьевым. После разговора на скамейке он пригласил Васю к себе домой и убедил, что надо поступать во ВГИК на режиссерский факультет. Вася, следуя совету знаменитого режиссера, сдал документы во ВГИК, а в историко-архивном институте сказал, что «документы идут почтой». Таким образом, поступал сразу в два института. Но перед ним стояла дилемма: если остаться во ВГИКе, то необходима хоть маленькая, но помощь из дома. А мама одна и на свои заработанные крохи едва ли смогла бы содержать двух студентов. Одного в Москве, другого в Новосибирске. Тогда Вася послал домой телеграмму с таким содержанием: «Поступил Всесоюзный государственный институт кинематографии очно историко-архивный заочно советуй каком остаться».

В этой телеграмме, я думаю, маму интересовали только два слова «очно» или «заочно», потому что ею всегда руководило какое-то непоколебимое стремление, чтобы дети учились в институтах, получили образование. Она говорила: «Я чурбан, так хоть вы учитесь». Но, кстати сказать, хотя мама и имела два класса образования, «чурбаном» она не была. Она была прекрасным рассказчиком, советчиком. Наделена была природным юмором и даже сама не замечала этого. Мыслями жила не о сегодняшнем дне, а умела заглядывать в далекое будущее. И держала нас, как говорят, на коротке, особенно меня. Вася в одном из писем пишет: «Недавно у нас на курсе был опрос: кто у кого родители, т.е. профессия, образование родителей студентов. У всех почти писатели, артисты, ответственные работники и т.п., доходит очередь до меня, спрашивают: — Кто из родителей есть? Отвечаю: мама. — Образование у ней какое? Два класса, отвечаю. Но понимает она у меня не меньше министра. Смеются».

О маме можно писать особо. И так, перед ней стоял выбор: «очно» или «заочно». Она отправила телеграмму со словами: «Только очно мама». Таким образом, ум и разум сошлись в 1954 году на ВГИКе. Трудно было, конечно, маме с двумя студентами, но она никогда не жаловалась. Наоборот, подбадривала нас.

Наши с Васей каникулы не совпадали, и он проездом на несколько часов заезжал ко мне. Но в моей крохотной комнатке со своими размашистыми шагами-метражами он не умещался, и мы переходили в зал, а там он вымывал хозяйскую комнату со своими кулаками и говорил: «Я — Стенька Разин!» А я ему: «Так Стенька Разин — бунтарь». «А я и есть бунтарь, я ищу правду на земле». «О, — говорю я, — правду найти — это тебе не в чужой огород лазить. Она, правда-то, затерялась где-то в темных переулках». «Найду, — отвечает он, — и эти темные переулки она будет освещать лампочками Ильича».

Я тогда думала, что он действительно бунтарь, бузотер и как бы чего не наделал, но потом поняла, что он искал правду в людях, в богатстве их души, в их нравственности. Стремился найти и донести до них эту правду через литературу и киноискусство.

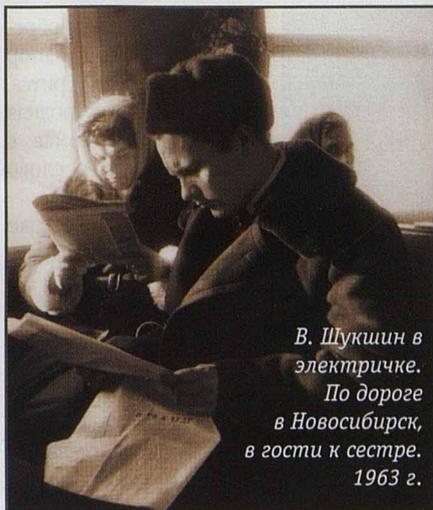
Сам он любил людей смелых, сильных, стиснувши зубы, идущих к цели через муки, боль, страдания, не сдающихся. В этих людях есть человеческие достоинства, говорил он. «Я ненавижу людей, у которых души нет или она поганая». «Правда труженика и правда паразита, правда добра и правда зла — это и есть, пожалуй, предмет истинного искусства. И это есть высшая нравственность, которая есть Правда... Ибо это мужество, честность, это значит — жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду... Изю всех сил буду стараться рассказать правду о людях, какую знаю, живя с ними в одно время».

Студентом 4-го курса в 1958 году он стал сниматься в главной роли в фильме «Два Федора» у кинорежиссера Марлена Худиева, в печати появились его первые робкие (как он их называл) рассказы. Все это облегчило его студенческую жизнь в материальном смысле. Теперь он уже сам был готов помогать маме.

Защитив дипломную работу, — фильм «Из Лебязьего сообщают», где он сам сыграл главную роль, — Вася понял, что только в Москве он может осуществить свои режиссерские и писательские планы. В 1960 году он окончил институт и получил направление на Свердловскую киностудию. Но остался в Москве, где не было ни жилья, ни прописки. Ночевал у друзей и знакомых в общежитии или даже на вокзале. Вася всегда говорил, что ему везло на умных и добрых людей. Повезло и на этот раз. Несколько месяцев он жил у Рениты Андреевны и Юрия Валентиновича Григорьевых. Потом прописала его к себе на квартиру Ольга Михайловна Румянцева, литературовед, заведующая отделом прозы журнала «Октябрь». Она ценила его талант, его необыкновенный юмор и относилась к нему по-матерински. В ответ на ее заботу и доброту он называл ее второй матерью. Съемки в фильмах, публикации рассказов дали Василию возможность купить двухкомнатную кооперативную квартиру в Москве в районе Свиблово по улице Русанова, 35. Квартирка была маленькая, но он радовался и этому углу.

С 1963 года Вася — режиссер киностудии им. Горького. Там он снимает по своим сценариям три фильма. Картина «Живет такой парень», натурные съемки которой проходили на Алтае, присужден «Гран-при» «Золотой лев». В 1965 году он снял фильм «Ваш сын и брат», за который был удостоен Государственной премии имени братьев Васильевых. В 1967 году награжден орденом Трудового Красного знамени. В 1969 году за заслуги в области кинематографии удостоен звания Заслуженного деятеля искусств РСФСР. В 1971 году за роль Черных в фильме Сергея Герасимова «У озера» ему присуждена Государственная премия СССР.

Третьим фильмом, снятым на родине, были «Печки-лавочки», где он сыграл главную роль. Этот фильм доставил Васе много переживаний. Мало того, что картину много

В. Шукшин в электричке. По дороге в Новосибирск, в гости к сестре. 1963 г.

раз резали по живому, но еще и приходили письма с родины с критикой в его адрес. Мол, Шукшин не знает деревни, сейчас деревенские мужики в кирзовых сапогах не ходят, что наши женщины не прячут деньги туда, куда прятала их артистка Федосеева. Но это писал, конечно, городской обыватель. Деревенский мужик и сейчас не чурается кирзовых сапог, а женщины прячут деньги в дальних поездках туда же, а иногда и пониже.

О своих наградах Вася в письмах почти не писал. Я узнавала о них либо через газету, либо через журналы, а узнав, звонила ему, поздравляла, а в ответ слышала: «А-а, да, было такое. Ну, это же по РСФСР, не по СССР». Российской Федерации ему было мало.

В 1965 году на деньги, полученные за роман «Любавины», он предложил маме купить дом, чтобы он был просторнее и ближе к реке. В это время Андрей Поротиков продавал свой дом четырехкомнатный (включая кухню). Васе он понравился, пусть не на берегу, зато деревня как на ладони. Купил. Постепенно, где с помощью найма, где своими силами к нему и около него пристроили веранду, баню, летнюю кухню. Вася приезжал домой с большим желанием поработать месяц-два. Но больше двадцати дней ему побыть на родине не удавалось. В этом доме

Вася любил комнату-зал. Окна выходили на улицу, а одно не закрывалось в летнее время ни днем, ни ночью. Обстановка была немудреная. Посредине стоял круглый стол, за которым он работал и печатал свои рассказы на портативной машинке. Телевизор-комбайн включали очень редко. Диван, кровать, шифоньер и самотканые половички. Зимой, чтобы было теплее, половички стелили во всю комнату, а летом — две дорожки. В кухне стояла кровать, на которой спала мама, из кухни — дверь в еще одну комнату. Здесь Вася работал, если приезжал зимой. Но это бывало редко.

Любил Вася бывать на родине, а каждый его приезд домой был для нас праздником. Мои дети очень любили его и звали лелей Васей (он их в семимесячном возрасте крестил в церкви). Им было по 5 лет, когда они лишились отца. Он умер в 1961 году в возрасте 33 лет. Всю заботу о детях (обуть, одеть) Вася взял на себя. Часто у нас собирались тети — три родные сестры нашей мамы, и Вася просил их спеть песни, которые пелись в деревне. Старинные, как мы их называли... наши, деревенские. Это протяжные, застольные, народные песни, в которые вкладывалась душа. Что ни слово, то заноза в сердце. Вася любил петь и сам, негромко, несколько приглушенно. Выделить какие-то песни или назвать их любимыми невозможно. Их было много: «Сронила колечко», «Ах, зачем эта ночь...», «В воскресенье мать-старушка», «В низенькой светелке», «Черный ворон», «Отец мой был природный пахарь» и другие.

Приходили к нам его друзья детства или просто молодые люди, которые интересовались его профессией, приносили свои стихи, рассказы для правки, для совета. С собеседниками он был немногословный, в разговоре сдержанный, но эмоциональный. Он каждое слово собеседника пропускал через себя, и потому не надо было слушать их разговор, не надо было улавливать нотки налаженного или неудовлетворенного разгово-

На съемках фильма «Странные люди» (Владимирская область).

ра, достаточно было посмотреть на его лицо, в глаза. В беседе он мог уйти в себя, наморщить лоб, ну, а если разговор не клеился и он был в каком-то мучительном раздумье, то по лицу ходили скулы, как жернова, и цепкие пронизательные глаза были зеркалом его настроения. Но свою душу он не распахивал ни перед кем. Однажды летом, на второй день после приезда, в предрассветный час Вася тихонько вышел на улицу, стукнула калитка, я — к окну. Он прошел мимо по направлению к горе Пикет. Я почему-то всегда боялась за него, уж больно был он рискованным. Я разбудила маму. Она вначале хотела ему крикнуть «куда пошел», но я говорю: ты сейчас крикнешь здесь, а на другом конце села будет слышно. Пойдем за ним. Он идет вразвалочку, а мы две заполошные, пуганые вороны трусим за ним на небольшом расстоянии. Был четвертый час утра. Село уже приготовилось умыться в серебре росы, отбеливалось, перекликалось во дворах пугухи, как будто соревновались, кто из них споет громче и заливистей. Вася стал подниматься на гору, тогда я тихонько окликнула его. Он оглянулся и увидел, что мы тоже поднимаемся по косягу, удивился, а у нас в глазах по пятаку. Не знаю, как мама, а у меня по телу дрожь. Он засмеялся: «Ну, вы даёте». Прижал нас к себе и говорит: «Хвостик (это он обращается ко мне), ты бы уж шла за мной одна, тебе не привыкать, а зачем же маму-то разбудила?» И он предложил нам подняться выше и вместе встретить рассвет. Останавливался, сладостно причмокивал, поднимал руки вверх и в стороны, как будто накачивал себя воздухом, который, как он сам выражался, можно черпать баннным ковшом и пить до опьянения. А нам было и невдомек, что природа, бирюзовый рассвет в родных местах помогали ему в работе, он как будто заряжался, а эта гора Пикет была его стартовой площадкой. Не думал, конечно, что она будет для него и финишной. «И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, — писал он, — какая-то животворная сила, которой на-

до коснуться, чтобы обрести утраченный напор крови... И не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу».

Односельчане нередко были героями его рассказов. Мама упрасивала Васю не брать сrostинские фамилии, а то вот, например, как взбеленились сестры Любавины после выхода в свет романа «Любавины». До Москвы дошли с жалобами, говорят, что попало пишет. Если взять

Пашку Колокольникова, то будь добрый, опиши, их так, чтобы они на себя были похожи, себя узнавали.

Как-то Вася меня спрашивает, почему Люба Байкалова (сродная наша сестра) замуж не выходит, ведь давно вроде пора? Я говорю, она переписывается с тюремным заочником, он пишет ей хорошие письма, обещает после освобождения приехать в Сrostки. Вася эту переписку не одобрил. И вот в фильме «Калина красная» Егор Прокудин освобождается от собственных пут и едет к заочнице Байкаловой Любови Федоровне. (Даже отчества не изменил). Кстати, фильм «Калина красная» появился после посещения Васей Бийской детской колонии, после пережитого им там впечатления от встреч с малолетними преступниками. Как он переживал! Ходил по залу, руки в карманах, желваки ходуном ходят, ему их жалко, и досадно: вот же, говорит, черти стриженные, что же им на воле-то не жилось. Это же болото, оно затягивает. Не я буду, если не поставлю о них фильм. После выхода картины на экраны я его спросила, почему в фильме главный герой не подросток, а сорокалетний мужчина. Он мне ответил: «Мною владела мысль не о тех, кто уже свернул с дороги. В конце концов, это люди взрослые, захотят — найдут средство вернуться к жизни. Моя озабоченность и тревога — о юных душах, о тех, кто может оказаться на опасном пути. Перед нами человек умный, от природы добрый и даже, если хотите, талантливый. Когда в его юной жизни случилась первая серьезная трудность, он свернул с дороги, чтобы, пусть даже бессознательно, обойти эту трудность. Так начался путь компромисса с совестью, предательства — предательства матери, общества, самого себя. Жизнь искривилась, потекла по законам ложным, неестественным...».

Народ оценил его работу. На конкурсе журнала «Советский экран» лучшим фильмом года был назван фильм «Калина красная». Лучшим актером года зрители назвали Василия Шукшина.

О постигшем нас горе мы узнали 3 октября. Мне на работу позвонила телефонистка (родственница) из Сrostок. Я поверить в это не могла, так как днем рань-

ше мы получили от него письма (маме и мне), написанные красной пастой. Я сразу поехала к маме, а дорогой думала, как уговорить ее поехать в Москву сегодня же и в то же время промолчать о смерти Васи, в которую я и сама не верила. При моем состоянии подходящих вступительных слов я не нашла, а сразу сказала: мама, полетим в Москву, приболел Вася. Она испугалась. Всплеснула руками, на глазах слезы, начала меня расспрашивать, откуда я знала, да почему так быстро, уж не умер ли? Мои односложные ответы ее не устраивали, и она сердито говорила, что я что-то знаю, но не говорю. Собирается, плачет, а сама приговаривает: «Так вот же пташечка мне постучала три раза в окошко. Я же говорила, что это к весточке». А было это за три дня до этого известия. Она мне по телефону рассказывала: «Я сидела у окна, вдруг прилетела птичка, села на оконную рамочку и носиком в окно постукивает. Стукнет, — посмотрит в окно, стукнет — опять посмотрит и так до трех раз. Я даже вздрогнула, постучала ей в окошко и спрашиваю: ты какую мне весточку принесла? Птичка улетела, а я задумалась. Первая мысль о Васе, но ведь письма хорошие получили, поправился, пишет, вот увидите в кино. Потом подумала о Наде с Сереей (внуки). Как бы, думаю, в Новосибирске что с ними не случилось». Надя и Сереежа были студентами второго курса институтов. Я ее успокоила и говорю: мало ли таких птичек летает, почему бы ей ни сесть на твоё окно. «Нет, — говорит, — это вестница».

Итак, мы в поезде до Новосибирска, там нас встретили Иван Попов, наш троюродный брат, Сереежа, и кто-то еще, не помню. Приехали в аэропорт. Разговора о смерти Васи вообще не было. С билетами трудно, но нам безоговорочно продали, так как мне из Бийска сказали в какую кассу обратиться. Я с каждым своим хлопотным шагом понимала, что, действительно, Вася умер. Ком в горле, я уже не могла разговаривать с мамой, и оставила ее на попечение Сергея, а сама ушла на улицу. Слезы душили меня так, что хотелось кричать от боли в сердце, от сознания того, что его нет, от мыслей «неужели, правда?!»

Наконец, зарегистрировали билеты и полетели. Мама сидела около окошка, я — в середине, а на краю — мужчина с пачкой газет. Первой газетой, которую он раскрыл, была «Комсомольская правда». И когда он ее развернул, я увидела на третьей полосе фотографии Васи в белой рубашке и столбцом написанный некролог в черной рамке. Мама, видно, мельком тоже увидела и говорит: «Ой, как на Васю похож». Нисколько, говорю я, а сама поворачиваюсь к ней, чтобы закрыть спиной эту злосчастную газету. Она ведь убила мою последнюю надежду...

Мама заплакала и говорит, что там с сыночкой, заглядывала мне в глаза, спрашивала, почему они у меня слезятся, почему я швыркаю носом. Да простыла, отвечаю, наверно. «Ты ведь что-то знаешь, скажи», — просила она. Я отнекивалась и, как могла, отвлекала ее красотой плывущих облаков, голубиной неба. И смотрели мы на эту красо-

ту сквозь слезную плену. Потом мама вроде задремала, а, может, уснула. Я попросила газету у соседа и прочитала о скоростной смерти Васи. Газету передала сыну, а по телу прошел, словно электрический разряд. Казалось, что я превращаюсь в пепел. Откинулась на спинку сиденья, закрыла глаза, а слезы текли и текли ручейком.

Мама недолго дремала. Жаловалась на сиденье, чем-то оно ее не устраивало, и она то одним боком повернется, то другим, в общем, была беспокойна. Я-то понимала, что не в сидении дело, это материнское сердце чувствовало неладное, его не обманешь, но поверить в такую беду оно не могло. Я боялась за маму в самолете, а еще больше за то, что будет с нею, когда прилетим в Москву. Она была больным человеком.

Наконец-то приземлились. Нас встретили Алексей Ванин и Александр Саранцев. Первый вопрос у мамы был: «Что с Васей, он живой?» Как не уклонялись мужчины от ответа, пришлось сказать: «Вася умер».

Боже, что было с мамой... и что было со мной. Все в разуме померкло, и память воскрешает только финал этой драмы: очнулись мы у Васиной могилы, усыпанной цветами. Тропинка, которую он с зубовым скрежетом, со сжатými кулаками, с желваками на лице прокладывал самостоятельно в этой жизни, вывела его на широкую, ухабистую, с крутыми поворотами, но все-таки верную дорогу, которая на самой круче и оборвалась.

Смерть вырвала его из жизни в 45 лет, когда он находился на подъеме творчества. Она настигла его в начале работы над фильмом «Степан Разин», образ которого был для него невероятно притягательной силой.

Еще при жизни Васи в 1979 году мы переехали с мамой на жительство в Бийск, по его же совету. Тот дом, который ему так нравился в Сростках, он не хотел продавать. Писал в письмах, что может купить и поменьше дом у реки, чтобы можно было приехать летом и поработать. Он не хотел сжигать мосты, которые связывали его с родным селом, и думал вернуться на родину. Но мечта его не свершилась. Судьба жестока и неумолима.

«Родина... Я живу с чувством, что когда-нибудь я вернусь на родину навсегда. Может быть, мне это нужно, думаю я, чтобы постоянно ощущать в себе житейский «запас прочности»: всегда есть куда вернуться, если станет невмоготу».

Родина... И почему же живет в сердце мысль, что когда-то я останусь там навсегда? Когда? Ведь не похоже по жизни-то... Отчего же? Может, потому, что она и живет постоянно в сердце, и образ ее светлый погаснет со мной вместе. Видно, так. Благослови тебя, моя родина, труд и разум человеческий! Будь счастлива! Будешь ты счастлива, и я буду счастлив».

С 1978 года наш дом на пригорке, у подножия горы Пикет, называется «Дом-музей матери Василия Макаровича Шукшина». На протяжении 20 лет люди идут и едут сюда по душевной необходимости, чтобы ступить на эту святую для нас землю, дотронуться до

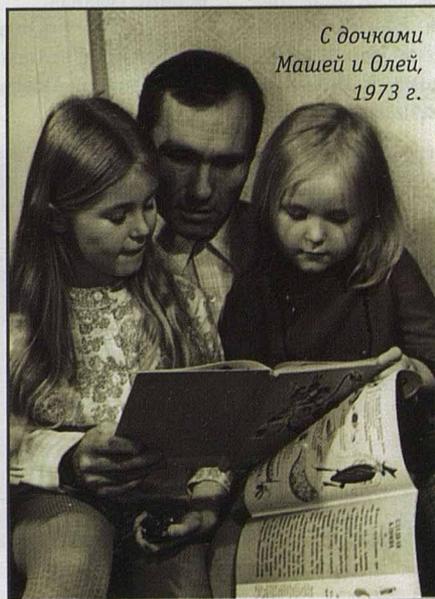
дверей, косяков, войти в комнату, где Вася писал до утра с распахнутым настежь окном.

Когда я вхожу в этот дом, ощущаю, что все мне в нем знакомо, но где-то внутри, меня точит червячок ревности к слову «музей». Вроде все наше. Так и хочется сесть на кровать на кухне, поваляться на диване, но нельзя. Конечно, ревность эта не обоснованная, и внутренний голос говорит: радуйся, что ты в этот дом можешь войти, как в святилище. А вот когда я выхожу из дома-музея, то вижу все не наше, кроме бани и летней кухни. Кругом цветы. В бывшем огороде асфальтированными дорожками. Рябина, калина, ели, породнившиеся с небом, клумбы цветов. Красота-то, какая! Казалось бы, надо сказать спасибо, но нет, теперь уже не ревность к слову «музей», а щемящая боль жжет душу. Что бы я хотела видеть? Вместо ухоженного сада — ухоженный огород, где бы росли картошка, огурцы, помидоры, радовали глаз грядки лука, моркови и других овощей, виктория, малина, смородина... Близорукость? Может быть. Меня пытаются убедить в моей неправоте, но как убедить человека, если в его голову вдальбывают вроде правильные слова. А сердце его тоскует и горюет об утраченном...

В 1976 году Васе присуждена Ленинская премия за выдающиеся творческие достижения в киноискусстве (посмертно). В 1977 году группа альпинистов Московского «Спартак» в районе юго-западного Памира совершила восхождение на безымянную вершину высотой 5500 метров. Альпинисты назвали ее пиком Василия Шукшина. В 1977 году на доме, где последние два года жил в Москве В.М. Шукшин, открыта мемориальная доска.

В 1984 году в Ленинграде прошла научная конференция, посвященная 55-летию со дня рождения В.М. Шукшина. Делегации из Бийска были вручены свидетельства об открытии новой планеты солнечной системы, названной именем В. Шукшина.

Бороздят речные и морские просторы теплоходы «Василий Шукшин». С 1976 года

курсировал по Оби от Барнаула до Быстрого Истока пассажирский теплоход «Василий Шукшин». В 1977 году в Навашино спущено на воду судно-контейнеровоз «Василий Шукшин». В 1989 году самобытный скульптор Барнаульского шинного завода Николай Викторович Звонков по крупницам, по книгам и фильмам, не пренебрегая и моими советами, воссоздал скульптурный портрет Василия Шукшина, отлитый в бронзе.

В 1995 году по приглашению и с помощью заведующего отделом культуры станции Клетской Волгоградской области Николая Ивановича Дранникова я побывала в тех местах, где снимался фильм «Они сражались за родину». Молчаливый, спокойный Дон не походил на нашу говорливую, суетную Катунь. А вот утес (я бы сказала по-нашему — обрыв) сейчас называют Шукшинским утесом. Природа на противоположном берегу реки сродни нашим островам. У меня сердце защемило от увиденного. Там стоитobelisk с высеченными в камне словами: «Здесь, на этом утесе во время съемок фильма «Они сражались за родину» любил обдумывать свои замыслы русский писатель, режиссер и актер Василий Шукшин».

Смерть провела черную черту под жизнью Васи. Но она не смогла отделить его от зрителей, читателей. Его книги и фильмы перешагнули рубежи нашей Родины, переведены на многие языки.

Надорвал он свое сердце, которое больно отзывалось на все происходящее на земле, на всякое проявление равнодушия и фальши, и эта боль пронизывала его творчество, передавалась читателям и зрителям, делая нас всех единомышленниками.

Каждый год в Сростках, на горе Пикет собираются тысячи людей из разных уголков России, и не только из нее, чтобы поклониться земле, на которой родился и вырос человек, всю жизнь искавший правду, человек с обостренным чувством справедливости. Он просил людей быть чуточку добрее: «Нам бы про душу не забыть, нам бы немножко добрее быть. Мы один раз, уж так случилось, живем на земле. Ну, так будь ты повнимательнее друг к другу, подобрее,» — писал он.

У Васи три дочери. Старшая — Катя. Затем Маша и Оля. У Маши дочь Анечка и сын Макар. Когда я прочитала в журнале, что Маша назвала сына Макаром, в честь деда, вздрогнуло сердце, а в глазах — слеза. Я вспомнила, как Вася говорил, если родится дочь, назову Марией, а если сын — Макаром. Мама была согласна с Марией, но не одобряла такое старое и забытое имя — Макар — и говорила: лучше назвать Иваном. Но родилась дочь, и назвали ее Марией. И вот теперь Маша исполнила желание отца — назвала своего сына Макарушкой. А у Оли тоже сын — Василий. Она оставила его на своей фамилии, и теперь растет Василий Шукшин. Дай Бог им здоровья!

*Фото Николая Кочнева
и из архива автора*